

имитирующие зернь. В большинстве случаев края бляшек загнуты внутрь, возможно на какую-то несохранившуюся подкладку. По краям бляшек симметрично расположены отверстия малого диаметра; на отдельных бляшках их шесть, на других восемь. Средние размеры полуовальных бляшек $5,5 \times 4$ см. Общее количество — 12 шт.; б) узкие гладкие бляшки — полосы длиной 7,5 см шириной 2 см — отличаются от полуовальных бляшек не только формой и отсутствием узора, но и фактурой. Золотой листок, из которого они сделаны, толще и плотнее материала блях типа «а». Края полос ровные, не загнутые, отверстий два. Они располагаются по одному на концах полос. Таких блях шесть, из них две в мелких фрагментах; в) прямоугольные широкие бляхи из очень тонкого золотого листка плохой сохранности. Поступили в музей в скомканном виде, многие в обрывках, так что восстановить первоначальную форму не всегда удается. Очевидно, они составляли обкладку какого-то предмета. Средние размеры $8 \times 5,5$ см. Общее количество 11 шт. В отношении игренских бляшек возможно двойное предположение: или они были нашиты на одежду, или составляли обкладку каких-то предметов, возможно парадного оружия. Аналогии подобным нашивным бляхам известны во многих местах — в Концештах (Молдавия)²³, в Нижней Добринке (Саратовская обл.)²⁴, в Печюсог (Венгрия)²⁵ и других местах.

Итак, перед нами комплекс вещей, по-видимому, из богатого погребения варварского князя конца IV в. Вещи изготовлены в одном из ремесленных центров Северного Причерноморья, скорее всего в Боспоре.

²³ L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike, стр. 130, рис. 39; A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Archaeologia Hunharika, IX. Budapest, 1932, табл. XX, a, b.

²⁴ A. Alföldi. Ук. соч., табл. IV, 1—3.

²⁵ A. Alföldi. Ук. соч., табл. XXIII, 3.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

АМФОРА С НАДПИСЬЮ ИЗ НОВОГРУДКА

Среди керамических материалов Окольного города древнего Новогрудка Гродненской обл. БССР значительное место занимают фрагменты амфор-корчаг¹. Они встречаются главным образом среди развала жилищ, представляющих большие дерево-глинобитные или срубные постройки², и в небольшом количестве в культурном слое на всей площади раскопа.

В 1958 г. в остатках постройки № 3 было обнаружено 88 обломков одной амфоры, из которых на трех оказались древнерусские буквы. Все фрагменты найдены среди развала мелких кусков обожженной глины, представляющих, по-видимому, остатки глинобитной печи. Развал имел удлиненную форму и в середине выше, чем по краям. На некоторых кусках глины видны отпечатки дерева, служившего, вероятно, каркасом печи. Под завалом глины, а также к северу и западу от нее, обнаружен

¹ Раскопками Новогрудка, которые ведутся с 1956 г., руководит Ф. Д. Гуревич. См. Ф. Д. Гуревич. Славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции. КСИИМК., 79, 1960, стр. 95—96; е е ж е. Об Окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 241—252.

² Ф. Д. Гуревич. О жилищах Окольного города древнего Новогрудка. КСИИМК., 87, 1962.

жирный угольный слой толщиной в 2—3 см. Он представляет собой остатки сгоревшего пола постройки, лежащей на глубине 0,8 м от современной поверхности³.

Обломки амфоры найдены как непосредственно на развале печи, так и среди кусков обожженной глины. Лишь некоторые из них обнаружены рядом с развалом. Вероятно, амфора стояла около печи и во время пожара упала на нее. Обращает на себя внимание то, что все фрагменты (за исключением одного) серого и даже почти черного цвета, что является результатом сильного обжига. Обломки других амфор, найденные при раскопках Новогрудка, красные или оранжевые⁴. Из найденных обломков амфоры удалось получить почти полный профиль сосуда. Не хватает лишь верхней части горла и ручек, от одной из которых видны основания. Благодаря наличию в Новогрудке подобных амфор с полным профилем недостающие части можно реконструировать (рис. 1). Амфора относится к грушевидным тонкостенным сосудам с сильно расширяющимся кверху туловом, низким горлом и поднятыми над ним дуговидными ручками⁵. Верхнее основание ручек таких амфор — у горла, а нижнее — чуть выше наиболее широкой части тулова. Высота новогрудской амфоры без ручек — 53 см, наибольший диаметр — 44 см. Амфора

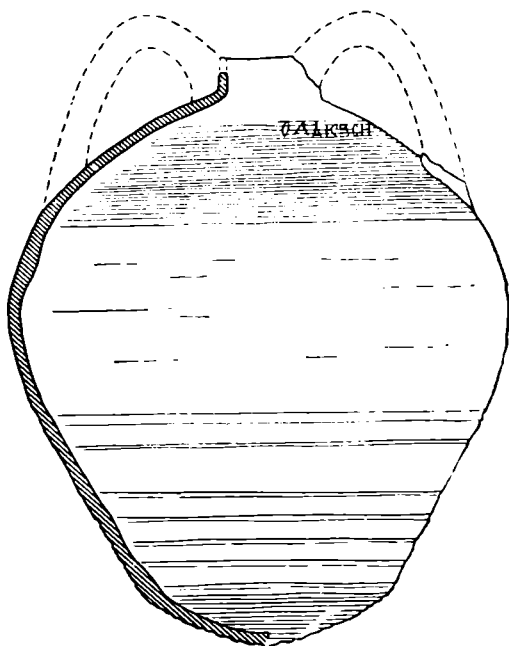

Рис. 1. Амфора с надписью из Новогрудка

сделана из хорошо отмученной глины, без каких-либо примесей. Изломы ровные. Верхняя часть сосуда покрыта рифлением, которое опускается до нижнего основания ручек. Углубления в придонной части и на дне отражают технику изготовления сосуда⁶. Аналогичные амфоры хорошо известны в XII—XIII вв. в Северном Причерноморье (Херсонес, Балаклава⁷, Эски-Кермен⁸), на Нижнем Дону (Азов⁹, Кобяково городище¹⁰, а также в городах древней Руси — Киеве, Воине, Райках, Ковшарове¹¹ и др. Таким образом, на основании формы Новогрудскую амфору можно датировать XII—XIII вв.

³ Ф. Д. Гуревич. Отчет Славяно-литовского отряда за 1958 г., лист 17. Архив ИИ АН БССР.

⁴ Такую же картину наблюдал Н. И. Репников во время раскопок жилых комплексов XII—XIII вв. на городище Эски-Кермен. Обломки амфор, найденные в сооружении, погибшем от пожара, были серыми; фрагменты, обнаруженные в других помещениях, — красными. Н. И. Репников предполагает, что серыми они стали в результате окислительного процесса, происходящего во время пожара. См. Н. И. Репников. Городище Эски-Кермен. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.-Л., 1941, стр. 279.

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 340.

⁶ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, стр. 70—71; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) МИА, 17, 1950, стр. 107.

⁷ А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 11, 37, 38.

⁸ Н. И. Репников. Ук. соч., стр. 281, табл. XLIV, 2.

⁹ А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 11, 39.

¹⁰ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 107, рис. 43.

¹¹ А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). ВВ, XIV, 1958, стр. 123.

Рис. 2. Надпись на амфоре из Новогрудка

При склейке амфоры полностью составила и надпись (рис. 2). Она процарапана острым инструментом по обожженному сосуду и состоит из одного слова «олѣкъсн», обозначающего, по-видимому, имя владельца (Алексий)¹². Надпись безусловно не имеет продолжения. Однако и перед словом «олѣкъсн» не было никакого другого, так как расстояние между буквой «о» и краем черепка значительно больше, чем интервалы между буквами, а промежутки между словами в то время, как известно, отсутствовали. По геометрическому стилю письма и симметричности отдельных букв надпись характерна для устава XI—XII вв.: «о» и «с» с заостренными концами, симметричные «л» и «к», «и» с горизонтальной перекладиной, «ѣ» и «ъ» с треугольными петлями. К тому же мачта «ѣ» чуть выходит за пределы верха строки, а коромысло (очень слабо выраженное) находится на ее уровне, что является признаком XII в.¹³ Наличие у буквы «л» наверху, справа крючка (если он не случайный), выражающего сильное смягчение этого звука, характерно лишь для XI и первой половины XII в.¹⁴ Данные фонетики также не позволяют отнести надпись ко времени, более позднему, чем XII век. Об этом свидетельствует употребление «ъ» там, где в XIII в. его стали заменять буквой «о» или опускать вовсе (например: сънь — сонь, лъожь — ложь, мънозь — мнозь)¹⁵.

Сопоставление надписи на новогрудской амфоре с некоторыми другими надписями, сделанными тем же способом, т. е. острием по твердому материалу, что в известной степени определяет почерк, склоняет к датировке новогрудской надписи первой половиной XII в. По начертанию букв она очень сходна, например, с надписями на корчаге из Пинска¹⁶,

¹² В древнерусских летописях встречаются различные варианты написания имени Алексей в именительном падеже: Олекса, Олькса, Алексии, Олексие и др. Судя по ним, в Новогрудской надписи не дописана последняя буква: е или и.

¹³ И. С. Чаев, Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 136—137.

¹⁴ Там же, стр. 138.

¹⁵ А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. СПб., 1902, стр. 24—25.

¹⁶ Т. В. Радина. Надпись на корчаге из Пинска. КСИИМК, 70, 1957, стр. 150—

на каменном крестике Пирова селища Владимирской области¹⁷, относящемся к концу XI — началу XII в., а также с надписью на амфоре из Старой Рязани, датированной концом XI — первой половиной XII в.¹⁸

Датировку надписи первой половиной XII в. подтверждает и сопоставление ее с некоторыми новгородскими грамотами, например с грамотой № 8 от Гостяты к Василью¹⁹. На основании начертания букв Л. П. Жуковская относит эту грамоту к XI или первой половине XII в.²⁰ Все буквы, входящие в надпись на новгородской амфоре, написаны точно так же, особенно «ѣ» и «ъ», имеющие симметричные петли, что в обоих случаях достигается наклоном мачты вправо. Исключение представляет лишь буква «л», которая в грамоте № 9 имеет покрытие. Фонетический анализ новгородской грамоты, проделанный Р. И. Аванесовым, позволил ему отнести ее «к XII в. и, возможно, к его первой половине»²¹.

Таким образом, если форма амфоры не позволяет датировать ее временем более ранним, чем XII век, то анализ надписи исключает XIII век и даже вторую половину XII в., оставляя первую. Датировке амфоры первой половиной XII в. не противоречат стратиграфические данные и сопровождаемый материал. Непосредственно на сгоревшем полу к северу и западу от печи, а также в слое гумуса над ним обнаружены вещи, позволяющие судить о времени существования постройки. Это — обломки керамики XII—XIII вв. и в том числе фрагменты аналогичной амфоры, шиферное пряслице, стеклянные браслеты и перстни, бронзовый пластинчатый незамкнутый перстень XI—XIII вв. и синяя стеклянная битрапеционидная бусина; в Новгороде они относятся к XII в.²² Судя по тому, что в культурном слое, лежащем ниже уровня сгоревшего пола, были найдены вещи лишь X—XI вв., правильнее всего отнести жилище к первой половине XII в. и этим временем датировать нашу амфору с подписью.

Как известно, находке новгородской амфоры с надписью предшествовало шесть других находок фрагментов корчаг с древнерусскими надписями²³. В отличие от новгородской надписи, заключающей лишь имя владельца, остальные так или иначе говорят о содержимом сосуда — вине, масле, нефти²⁴ (или горчице)²⁵ и только пинская упоминает имя владельца. Новгородская надпись интересна и тем, что является второй после гнездовской, обнаруженной не на обломке сосуда, а на амфоре определенного типа.

¹⁷ В. В. Седов. Каменный крестик с надписью из Пирова селища. СА, 1959, № 1, стр. 275—277.

¹⁸ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 187, рис. 145.

¹⁹ А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 40—42 и табл.

²⁰ Л. П. Жуковская. Палеография. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ Новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 54.

²¹ Р. И. Аванесов. Фонетика. Там же, стр. 81.

²² Ю. А. Щапова. Стеклобусы древнего Новгорода, МИА, 55, 1956, стр. 169—170.

²³ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323.

²⁴ Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 226—230.

²⁵ Д. А. Авдусин, М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, № 4, стр. 77—79, рис. 3, 4.